

РЕЦЕНЗИИ

Е.Б. Маркус, Ф.И. Рожанский. Современный водский язык: Тексты и грамматический очерк: монография в 2-х т. СПб.: Нестор-История, 2011. 336 + 384 с. ISBN 978-5-98187-833-6, 978-5-98187-834-3.

Рецензируемая книга является результатом полевой работы авторов с 2001 по 2008 год. Это уже пятая грамматика водского языка. Первая, [Ahlquist 1855], базировалась на центральноводских говорах окрестностей дер. Котлы. Вторая по времени появления – грамматика [Tsvetkov 2008], в которой был отражен говор дер. Краколье начала XX века. В 1948 г. появилась третья грамматика, [Ariste 1948], посвященная в основном говору дер. Котлы, который к тому моменту уже был на грани исчезновения. В 2007 г. вышла в свет грамматика [Агранат 2007], в которой описывались два говора, сохранившиеся до настоящего времени, причем основное внимание было уделено синтаксису. Рецензируемая грамматика базируется на двух близких западноводских говорах, говоре дер. Краколье (далее «кракольский говор») и говоре дер. Лужицы и Пески (далее «лужицкий говор»).

Для всех прибалтийско-финских языков характерны довольно сложные системы морфонологических правил, и поэтому одним из самых важных и интересных разделов в грамматических описаниях этих языков является описание морфонологии. Рецензируемая работа отличается в этом отношении от предшествующих полнотой и эксплицитностью описания.

Работа состоит из двух томов. Первый том содержит предисловие, 18 текстов на обоих сохранившихся до настоящего времени говорах водского – кракольском и лужицком, – записанных от двух носителей кракольского и пяти носителей лужицкого, словарь к текстам, индекс аномальных форм, встретившихся в текстах, индекс «русских включений» и грамматический индекс. К данному тому также прилагается аудиодиск со всеми текстами в формате WAV. Второй том содержит собственно грамматический очерк, четыре приложения, карту водских деревень, а также библиографию по водскому языку.

В предисловии авторы дают историческую и социолингвистическую характеристику водского языка, описывают его диалектное членение, а также приводят сведения об информантах. Все тексты представлены в книге в двух вариантах: в так называемом «четырёхстрочном формате» и в виде сплошного текста с литературным переводом. «Четырёхстрочный формат» представляет собой обычное глоссирование текстов с добавлением строки фонетической записи водской речи. В фонетической строке отражаются все межсловные сандхи, аллелювые варианты, аллофоны и т. п. Строка «стандартизированной записи», однако, не является простой записью в фонологической транскрипции с разбиением на морфемы. По словам авторов, «в строке стандартизированной записи отражаются особенности говора, но не отражаются особенности идиолекта». Исправляются также «ошибки в произношении слова» и «использование заведомо неправильной грамматической формы», восстанавливаются «проглоченные фрагменты слов». Во втором случае каждая такая неправильная грамматическая форма дополнительно выносится в примечания внизу страницы, а также упоминается в индексе аномальных форм в конце первого тома. Такое детальное фиксирование грамматически (точнее говоря, морфо(но)логически) аномальных словоформ очень удобно для читателя.

В индексе «русских включений в водские тексты» включены морфологически неадаптированные русские вставки, большая часть которых являются одиночными словами, хотя встречаются и целые клаузы. В целом переключение кодов в речи информантов Е.Б. Маркуса и Ф.И. Рожанского встречается редко, что связано с принципами отбора информантов.

Грамматический индекс содержит все встретившиеся в текстах словоформы изме-

няемых лексем. Словоформы сгруппированы по грамматическим категориям, причем для каждой словоформы приводится еще и форма номинатива единственного числа для имен и *та*-инфинитива (супина) для глаголов, что позволяет найти их в словаре.

Словарь к текстам также содержит богатую информацию. Для каждой лексемы приводятся оба диалектных варианта, краколевский и лужицкий. В каждую словарную статью включается также список всех словоформ данной лексемы, встретившихся в текстах. Вместе с грамматическим индексом это позволяет осуществлять быстрый поиск как по нужной грамматической форме, так и по нужной лексеме. Для изменяемых лексем дается необходимая морфонологическая информация, позволяющая читателю самостоятельно построить все словоформы из парадигмы данной лексемы.

Такой детальный справочный аппарат делает рецензируемую грамматику очень ценной и удобной в использовании не только для специалистов по прибалтийско-финским языкам, но и для типологов широкого профиля, а также для специалистов по языковым контактам (в частности для тех, кто занимается изучением переключения кодов и изменениями в ходе языкового сдвига).

К некоторому сожалению, ограничение словаря только лексикой, содержащейся в текстах, привело к тому, что ряд интересных с морфонологической точки зрения лексем не попал ни в словарь, ни в грамматическое описание, что затрудняет сопоставление современного состояния нижнелужских водских говоров с состояниями, описанными предшествующими исследователями. Другое наше возражение общего характера касается чрезмерной «нормализации» в ряде случаев. Например, вариативность показателей иллатива единственного числа и паритива множественного числа уже отмечалась предшествующими исследователями, ее можно проследить и по многочисленным опубликованным текстам, она есть даже в текстах, записанных авторами.

Грамматический очерк, представленный во втором томе, состоит из следующих разделов: фонетика и фонология, морфонология, морфология и синтаксис. Характерной особенностью рецензируемой грамматики является также эксплицитное выделение авторами дискуссионных тем. С этой целью Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский используют специальные знаки [?] и [*]. Знаком [?] авторы обозначают «дискуссионные моменты, в которых обсуждаются вопросы описания и интерпретации языкового материала и принятые авторами работы решения, а также приводятся различного рода дополнительные комментарии», знаком [*] –

расхождения между авторами рецензируемой грамматики и предшественниками. Это позволяет читателю составить свое собственное мнение по обсуждаемым вопросам.

Первый раздел посвящен проблемам водской фонологии и фонетики. В приведенной таблице согласных краколевского говора обращает на себя внимание то, что палатализованные корреляты есть не только у зубных, как это представлено в грамматике [Ariste 1948: 15], но и у лабиальных, а также у *š* и *h*. Для большинства глухих смычных, фрикативных и аффрикат существуют звонкие корреляты, хотя звонких палатализованных фонем только пять. При этом в собственно водских словах (а не в недавних заимствованиях) из звонких палатализованных встречаются только *dd*, *z'z'*, *z'*. С точки зрения исторической фонетики существует два основных источника палатализованных в водском языке – кластеры *Cj*, которые далее развивались в палатализованные геминаты [Kettunen 1930], и сочетания вида *Ci* или *Cä* в ауслауте, которые утрачивали гласный. В описываемом в рецензируемой грамматике краколевском говоре редукция и отпадение конечных *a* или *ä* отмечались еще в [Tsvetkov 1995; 2008], в то время как для более консервативного по отношению к редукции лужицкого говора полное отпадение нехарактерно. Это приводит к тому, что фонологический статус почти всех губных палатализованных в лужицком говоре зависит от интерпретации конечного *ä*. Если переднерядный и заднерядный варианты *ä* интерпретировать как разные фонемы, то фонологический статус *p'*, *p'p'*, *v'*, *m'* теряется. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский постулируют в данном случае одну редуцированную фонему, что позволяет сохранить одинаковую систему консонантизма в двух говорах. Сравнение данных рецензируемой грамматики и грамматики Д. Цветкова позволяет обнаружить также и изменения, произошедшие за почти 90 лет. В частности, в ряде случаев сочетание *Ciu* развилось в *C'ü* (*riuku* > *r'üku* 'жердь').

Основными проблемами описания вокализма являются отмеченная выше неоднозначность в интерпретации конечных редуцированных и статус дифтонгов на *i*. В отличие от дифтонгов на *u* и *ü*, противопоставленных сочетаниям «гласный + согласный *v*», дифтонги на *i*, как отмечено в рецензируемой грамматике, в современных нижнелужских водских говорах не противопоставлены сочетаниям «гласный + *j*», и выбор того или иного описания в данном случае остается на усмотрение автора. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский считают дифтонгами только сочетания *Ij* перед согласным, однако, несмотря на это, они записывают эти сочетания как *Ij*, в отличие от всех других исследователей водского языка.

В подразделе «Фонетика» описывается фонетическая реализация фонем. В частности, значительная часть палатализованных фонем может реализоваться фонетически и как палатализованные, и как непалатализованные, причем выбор варианта зависит в основном от конкретного идиолекта. Интересно отметить, что такое явление характерно только для собственно водских слов. Авторы объясняют это тем, что значительная часть таких нестабильных палатализованных возникла в результате апокопы конечного *ā* или *i*.

Второй раздел тома посвящен описанию морфологии описываемых говоров. Авторы отмечают, что «как и другие прибалтийско-финские языки, водский язык чрезвычайно далек от агглютинативного идеала». Все чередования делятся авторами на системные и несистемные, к первым относятся чередование ступеней (в основах) и геминация.

Авторы дают полную таблицу чередования ступеней, которая выгодно отличается от аналогичного списка в [Ariste 1948: 18–19] тем, что в ней отсутствуют такие «чередования», как *riš/rg*. В отношении словоизменительных аффиксов (*-ka/-ga* 2PlImp, *-ttu/-tu* PartPass) авторы не используют понятие чередования ступеней, хотя для словообразовательных аффиксов указывают разноступенные варианты аффиксов в составе основ разных типов.

Далее в книге рассматриваются морфологические преобразования на стыке морфем. Из перечисленных явлений только три оказываются автоматическими, обусловленными фонотактикой: это переход $l > l$, ассимиляции $l + n > ll$ и $l + n > ll$, $s + n > zn$. Остальные процессы оказываются неавтоматическими, в том числе и характерное именно для нижнелужских водских говоров чередование $a \sim \bar{a} / e \sim \bar{e}$, диахронически объясняемое сравнительно недавней редукцией гласных $a \sim \bar{a}$ (ее нет в центрально-водских и восточноводских говорах).

В третьем разделе дается описание именного и глагольного словоизменения. Сюда попала информация, связанная с парадигматической классификацией имен и глаголов, а также со способами образования разных основ. Детально описывается также процедура синтеза нужных словоформ по имеющейся в словаре информации.

При описании именного словоизменения Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский не включают в базовую парадигму некоторые падежи, включавшиеся их предшественниками (ср. с [Ariste 1948]). К таким падежам относятся комитатив, терминатив, абессив, эссив, эксессив, инструктив и комитатив 2. Комитатив и терминатив имеют свойства как падежей, так и послеложных конструкций, причем у показателя терми-

натива послеложные свойства преобладают, а эссив в современных водских говорах является скорее отмирающим падежом, который почти всегда может быть заменен номинативом. Абессив в современных водских говорах может быть образован только от супина и рассматривается авторами в разделе, посвященном глаголу. Интересно отметить, что показатель терминатива *ssā* может сочетаться как с формой генитива, так и формой иллатива, причем определение, выраженное прилагательным, чаще выступает в форме генитива, хотя допустимым является и иллатив. Это, по-видимому, свидетельствует о медленном дрейфе его от послелога к падежному показателю, поскольку почти все косвенные падежи образуются от основы генитива. Аккузатив как особый падеж авторы выделяют только у личных местоимений множественного числа.

При распределении имен по парадигматическим классам авторы опираются в основном на дистрибуцию разных основ по грамматическим формам. Выделяются следующие основы: согласная, сильноступенная гласная, слабоступенная гласная, гласная с вторичной геминатой, гласная без чередования ступеней. При этом надо иметь в виду, что в один и тот же класс могут попадать имена как с чередованием ступеней, так и без него.

При этом имена только с гласной основой оказываются разделены между четырьмя классами (1, 1a, 2 и 2*), в то время как в описаниях других прибалтийско-финских языков они иногда попадают в один большой класс. Это объясняется тем, что в кракольском говоре наблюдается определенная вариативность в образовании инессива, иллатива и партитива единственного числа одноосновных имен.

Особо следует остановиться на именах типа *pere* 'семья', восходящих к именам на **-ek* и **-eh*. Уже в словаре Д. Цветкова можно наблюдать постепенное разрушение этого типа склонения, выражающееся, прежде всего, в утрате чередования ступеней. В рецензируемой грамматике имена этого типа включены в 3-й класс, для которого характерно употребление согласной основы только в партитиве единственного числа, причем в качестве согласной основы взята основа *peret-*. От этой основы с помощью одного из двух алломорфов партитива легко образуется партитив единственного числа *perett*, однако такого же результата можно было бы добиться и вообще не вводя согласную основу, а добавив вместо этого третий алломорф партитива *-tt*.

Как уже было отмечено выше, сравнение данных рецензируемой грамматики и данных словаря Д. Цветкова позволяет заметить некоторые изменения по аналогии, произошедшие

за 90 лет. В целом наблюдается процесс утраты согласной основы и переход имен в класс I (*vikaht* 'коса', *susi* 'волк') и утрата чередований ступеней. Примечательно, что в новых заимствованиях чередование ступеней зачастую отсутствует (NomSg *gaik* : GenSg *gaika* 'гайка'), хотя геминация и чередование $a \sim \ddot{a} / e \sim e$ представлены и в заимствованиях.

Далее следует описание глагольной морфологии. За исключением императива, глагол имеет шесть личных форм, причем в качестве формы 3PI выступает форма имперсонала, полностью вытеснившая в нижнелужских водских говорах старую форму 3PI. Авторы выделяют три наклонения (индикатив, кондиционалис и императив). В индикативе выделяется четыре времени (презенс, имперфект, перфект и плюсквамперфект), футурум есть только у одного глагола *eleta* 'быть'. Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанский не включают довольно часто встречающиеся аналитические формы «*neizen* 'стану' + *ma*-инфинитив (супин)», выражающие незаконченное действие в будущем, в глагольную парадигму. На наш взгляд, данная форма, равно как и форма «*neizin* 'стал' + *ma*-инфинитив», вполне может быть включена в глагольную парадигму, хотя статус этих форм (временные или видовые) остается дискуссионным. Эти две аналитические формы встречаются в текстах гораздо чаще, чем аналитические же перфект и плюсквамперфект, включенные авторами в глагольную парадигму.

В отличие от имен, для глаголов распределение по парадигматическим классам оказывается гораздо ближе к традиционным описаниям. Для описания процедур порождения глагольных словоформ авторы используют те же пять типов основ, которые были выделены ими для имен. Для некоторых парадигматических классов оказывается необходимым введение еще одной, так называемой «стяженной», гласной основы (ср. стяженную основу *te-* и гласную основу без чередования ступеней *tepe-* глагола 'идти'). Авторы выделяют пять больших парадигматических классов, которые в свою очередь делятся на подклассы. В ряде случаев такие подклассы выделяются на основе различной дистрибуции гласных $a/\ddot{a}$ и $e/\ddot{e}$ в парадигмах. В отличие от системы классов, предложенных Е.Б. Маркус и Ф.И. Рожанским для существительных, система 20 парадигматических классов глагольного изменения оказывается даже более подробной, чем традиционная.

Последняя часть третьего раздела грамматического очерка посвящена словообразованию. В табл. III–64 авторы дают обзор основных словообразовательных суффиксов, указывая частеречную принадлежность исходной и про-

изводной леммы. Обращает на себя внимание отсутствие суффиксов, переводящих глагол в прилагательное.

Четвертый раздел грамматического очерка посвящен синтаксису и семантике некоторых грамматических категорий. Следует отметить, что в грамматиках А. Аляквиста, Д. Цветкова и П. Аристе вопросы синтаксиса либо вообще не освещались, либо очень кратко затрагивались при описании отдельных грамматических категорий. В отличие от этих грамматик, [Агранат 2007] уделяет очень большое внимание водскому синтаксису. В целом синтаксис так называемых «малых» прибалтийско-финских языков до настоящего времени остается еще очень плохо изученным.

В этом разделе авторы затрагивают традиционные для описаний прибалтийско-финских языков темы: функции падежей, систему времен и способы выражения видо-временных противопоставлений, в том числе за счет выбора падежа прямого объекта, выбор между инфинитивом и супином, синтаксис имперсональных конструкций. Кроме имперсонала, рассматриваются и другие актантные деривации – пассив, рефлексив, каузатив и детранзитив. В этом же разделе обсуждаются конструкции с модальными и фазовыми глаголами, а также конструкция с глаголом *neisema* 'становиться' и аналитический императив. Особый подраздел посвящен строению именной группы в водском языке. Кратко рассматриваются также различные виды сложных предложений, в том числе способы передачи прямой речи. С другой стороны, в рецензируемой грамматике почти нет сведений о довольно редких в современных водских говорах полипредикативных конструкциях, которым уделено много внимания в грамматике [Агранат 2007]. Завершает этот раздел описание водских дискурсивных частиц.

В конце грамматического очерка есть приложения. Приложение 1 содержит все необходимые таблицы для синтеза словоформ лужицкого говора. Хотя в качестве базового говора в рецензируемой грамматике был взят краковский, в соответствующих ее разделах всегда давались примечания об особенностях лужицкого говора. Эти примечания и таблицы Приложения 1 позволяют породить любую его глагольную или именную словоформу. Приложение 2 – это алфавитный список водских словоизменяемых показателей обоих говоров, причем все алломорфы приведены отдельно. В Приложении 3 даются примеры спектрограмм, иллюстрирующие одно из важнейших отличий нижнелужских водских говоров от центральноноводских – апокопу и редукцию кратких гласных и сокращение долгих гласных в ауслауте.

В Приложении 4, озаглавленном «Комментарии для специалистов по финно-угорским языкам», авторы еще раз в сжатой форме обосновывают принятые в данной работе решения, которые в той или иной степени являются «нетрадиционными». Завершает вторую часть карта водских деревень и фотографии информантов.

Подводя итоги, хочется еще раз отметить высокое качество работы. Авторы сделали максимум возможного, чтобы данное грамматическое описание было бы «user friendly». С этой целью в работу были включены всевозможные индексы, все спорные вопросы обсуждаются, причем авторы и дают информацию о решениях, принятых предшествующими исследователями водского языка, и обосновывают собственный выбор. Прилагаемый к грамматическому описанию сборник текстов, а также диск с аудиофайлами позволяют читателю самому проверять некоторые утверждения авторов. Правила порождения именных и глагольных парадигм, описываемые во второй части работы, почти во всех случаях позволяют породить нужную словоформу каждой лексемы, представленной в словаре. Специалисты по прибалтийско-финскому и водскому языкознанию должны быть бесконечно благодарны авторам за проделанную ими работу. Хочется надеяться, что рецензируемое издание послужит стимулом для новых работ по водскому языку и надежной базой последующих исследований.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

2 – 2-е лицо
3 – 3-е лицо
Gen – генитив
Imp – императив
Nom – номинатив
PartPass – пассивное причастие
Pl – множественное число
Sg – единственное число

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агранат 2007 – Т.Б. Агранат. Западный диалект водского языка. Москва; Гронинген, 2007.
Ahlquist 1855 – A. Ahlquist. Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855.
Ariste 1948 – P. Ariste. Vadja keele grammatika. Tartu, 1948.
Kettunen 1930 – L. Kettunen. Vatjan kielen äännehistoria. Helsinki, 1930.
Tsvetkov 1995 – D. Tsvetkov. Vatjan kielen Joenperän murteen sanasto. Helsinki, 1995.
Tsvetkov 2008 – D. Tsvetkov. Vadja keele grammatika. Tallinn, 2008.

М.З. Муслимов

Сведения об авторе:

Мехмет Закирович Муслимов
Институт лингвистических исследований РАН
mehmet@yandex.ru

M. Guiraud-Weber. Essais de syntaxe russe et contrastive. Aix-en-Provence: Publications de l'Université de Provence, 2011. 337 p. (Langues et langage, 17.)

Книга известного французского слависта польского происхождения Маргерит Гиро-Вебер «Очерки по русскому и контрастивному синтаксису» вышла в лингвистической серии монографий университета Экс-ан-Прованса, где многие годы работает автор. Это собрание статей, самая ранняя из которых написана в 1974 г.; некоторые из них уже хорошо знакомы русистам. Всего в книгу входят 29 статей; первые публикации многих из них в настоящее время труднодоступны, ряд текстов печатается впервые. Сборник адресован лингвистам, интересующимся не только славянскими языками, но и типологией, поэтому статьи, первоначально выходившие в узкоспециальных изданиях для русистов, переработаны с учетом более широкой аудитории и унифицированы (примеры даны в транслитерации латиницей и обычно с переводами на французский язык, иногда даже глоссированы, некоторые

литературные цитаты упрощены и т. п.). Книга состоит из пяти разделов («глав»), посвященных соответственно синтаксическим отношениям, подлежащему, глаголу, безличным конструкциям и сопоставлению русского языка с другими (прежде всего западнославянскими и французским). Может быть, следовало бы разнести статьи из последнего «контрастивного» раздела в соответствии с их тематикой по остальным. Было бы естественнее, если бы статьи, например о безличных конструкциях или генитиве при отрицании, находились вместе, а не в разных частях книги в зависимости от того, какую роль в них играет сопоставление с иноязычным материалом (ведь те или иные, пусть беглые, отсылки к другим языкам присутствуют и в большинстве статей первых четырех разделов).

Автор занимает позицию, характерную для лингвистов, условно объединяемых под